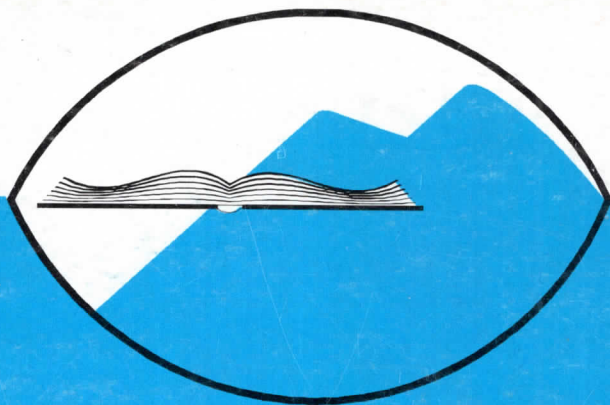

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ КАВКАЗА

*Северо-Кавказский
научный центр
высшей школы*

1'96

2'96

3'96

4'96

Регистрационный № 013154 от 21 декабря 1994 г. Комитета Российской Федерации по печати

Издается с 1995 г.

Периодичность 4 номера в год

№ 4 (8) 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И МИР: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО	Поликарпов В.С. Азия бесконечна 3
ВРЕМЯ. ИДЕИ. НАУКА НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА	Олехнович Л.П., Борисенко Н.И., Жданов Ю.А. Дихотомии конфигураций модельных конструкций 8
ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ КАВКАЗА	Темботов А.К., Темботова Ф.А. Интеграция зональных и поясных факторов в горах Кавказа и ее биологический эффект 33
НАУКА И ОБЩЕСТВО	Игнатов В.Г., Понеделков А.В. Политико-административные элиты России : методология и опыт изучения (региональный ас- пект) 41
	Нарежный А.И. Земский либерализм и политика: проблема конституционализма 49
НАРОДЫ КАВКАЗА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕ- МЕННОСТЬ	Метревели Р.В. Дипломатия Давида Строителя на Кавказе 56
	Петросян Г. Л. Закавказские карасы как общекультурный фено- мен в различных этнических и религиозных средах Закавказья 63
	Проценко Б.Н. О статусе кубанских говоров в "Лексическом атласе русских народных говоров" 67
ПУШКИН И КАВКАЗ	Гамзатов Г.Г. А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые наблюде- ния и суждения 73

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ:
ДОКУМЕНТЫ,
ПУБЛИКАЦИИ**

*Осколкова Э.Д., Казарова Н.А. Г.В. Плеханов о донском ка-
зачестве* 78

**ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ
ПОЧТЫ**

Мостовой И.Ф., Шестаков Н.Е. О проблемах развития водно-
го транспорта Северного Кавказа 87

**В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ
НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Романова И.Е. О социально-культурных процессах на Север-
ном Кавказе и основных направлениях их исследования 89

ХРОНИКА

Давыдов Ю.С., Барышников Н.В., Лазарев В.В. Мир на Се-
верном Кавказе через языки, образование и культуру 91

Указатель материалов, опубликованных в журнале "Научная
мысль Кавказа" в 1996 году. 95

В 1997 ГОДУ

РЕДАКЦИЯ ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:

- Роковой комплекс Эрисихтона
- Синергетические принципы управления и макроэко-
номика переходного периода России
- Новые виды оружия и технологии войн
- Реструктуризация угледобывающей отрасли Восточно-
го Донбасса
- Серия материалов по проблеме "Россия и Восток"
- Портреты выдающихся ученых-кавказоведов

Г.В. ПЛЕХАНОВ О ДОНСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

Георгий Валентинович Плеханов приезжал на Дон дважды: в 1878 и 1879 гг. Эта страница его биографии отражена в различных источниках: статьях и мемуарах самого Плеханова [1], воспоминаниях его жены — Р.М. Плехановой-Боград [2], мемуарах, статьях и биографической литературе о Плеханове [3].

Оба приезда на Дон относятся к периоду его деятельности в “Земле и воле”. Как член землевольческой организации, Плеханов приезжал на Дон проводить агитацию. В апреле 1878 г. он узнал от своего друга М.Р. Попова, уроженца Донского края, о волнениях среди казаков, вызванных введением земств, ограничивших казачье самоуправление. Плеханов отправился на Дон, в станицы Каменскую, Луганскую и др. и описал увиденное и услышанное в двух корреспонденциях, опубликованных во втором и третьем номерах “Земли и воли” под названием “Каменская станица”.

О своем участии в событиях на Дону в 1878 г. Плеханов вспоминал: “Когда в том же 1878 г. начались волнения донских казаков, то прежде всех нас проникший на Дон товарищ Р. — правда, формально не принадлежавший к обществу “Земля и воля”, но безраздельно сочувствующий ему и принимавший его программу, — хотел обратиться к “Славному войску Донскому” с революционным манифестом от царского имени. При этом он собирался выдавать себя за царского посланца. Я очень часто встречался с ним именно в это время, — так как я сам принимал участие в агитации, — и я очень хорошо помню ожесточенные прения с ним по этому вопросу. Мне стоило очень большого труда отговорить его от его намерения” [4].

Что касается самого Плеханова, то, судя по его воспоминаниям, им при участии местных казаков была составлена прокламация “Славному войску казачьему, Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терскому и проч.” (от имени революционной организации, а не от царского, как предлагал тов. Р.). Плеханов собирался отпечатать ее в тайной типографии “Земли и воли”, для чего отправился в Петербург. Вот что он писал об этом: «Летом 1878 г. волновались донские казаки по случаю введения у них земства, которое было огромным шагом назад по сравнению с их почти первобытным самоуправлением. Верные своей “бунтарской” программе, землевольцы поспешили отправиться на Дон и завязать отношения

с недовольными. Я был одним из первых попавших туда членов “Земли и воли”. Ознакомившись с положением дел и убедившись, что оно благоприятно для агитации, я написал об этом в Петербург, откуда немедленно двинулся мне на помощь Александр Михайлов. Но так как я спешил отпечатать “Воззвание к славному войску Донскому”, составленное нами при участии “спропагандированных” нами казаков, то я выехал в Петербург, где у нас была тогда тайная типография, не дождавшись приезда Михайлова в Ростов-на-Дону» [5].

В Петербурге Г.В. Плеханов узнал о провале “Земли и воли”.

Тем не менее воззвание к донскому казачеству ему все-таки удалось отпечатать в Петербургской вольной типографии. Ниже мы приводим его текст по 8-томному литературному наследию Г.В. Плеханова, ныне ставшему библиографической редкостью. Текст воззвания помещен в первом томе этого издания в разделе “Прокламации 1877-1879 гг.” [6]. Оригинал воззвания находится в Архиве Дома Плеханова [7].

Второй приезд Плеханова на Дон освещен в источниках и исторической литературе намного лучше, чем первый. Известна точная дата приезда Плеханова в Ростов-на-Дону — 3 апреля. Эту дату указывает сам Г. В. Плеханов, им же дано и подробное описание “ростовского бунта”, свидетелем которого он был [8].

Хотя Плеханов понимал, что это стихийный бунт городских низов, направленный против полиции, а не против помещиков и чиновников, он считал, что события в Ростове подтвердили необходимость продолжать агитацию в народе. В этот приезд Плеханов вел агитационную работу среди местной интеллигенции, донских казаков и портовых рабочих [9]. Это была последняя поездка Плеханова на Дон.

История поездки Плеханова на Дон представляет для современных читателей не только малоизвестную страницу его политической биографии. Очень важно осмысление написанных им в связи с событиями в казачьей области материалов в контексте выяснения причин кризиса народнических взглядов и зарождения новых марксистских идей, которые неверно оценивать как абстрактные идеологемы, оторванные от российской действительности.

Поездка Плеханова на Дон была связана с очень серьезными изменениями в народническом движении. Будучи очевидцем событий на Дону летом 1878 г., Г.В. Плеханов характери-

зовал их как еще одну каплю в крахе народнических иллюзий и описал эти события в двух корреспонденциях. Далее мы приводим текст донских корреспонденций Г.В. Плеханова из станицы Каменской [10].

Описывая причины разочарования революционеров хождением в народ, Плеханов обратил внимание на то, что народников оттолкнули от этой затеи не полицейские препятствия, а крах ребяческих надежд на то, что находясь в народе, они смогут приблизить социальную революцию, которая совершится через 2-3 года и "повалит существующий порядок". Очевидцем казачьих волнений был и народник Александр Михайлов. Вернувшись из Ростова в Петербург и встретившись с Плехановым, он высказал тогда суждение, что силы народников для широкой агитации в народе слишком малы, "...а надо просто наказывать правительство за его свирепые преследования" [10, с. 98].

Г.В. Плеханов обратил внимание на то, что еще летом 1877г., когда в народнической среде возникали идеи о замене тактики агитации в народе тактикой террора ("деорганизации правительства"), А. Михайлов был противником этой идеи. Выступая в Петербурге с информацией о казачьих волнениях, Плеханов считал, что нужно воспользоваться ими для расширения революционной агитационной работы.

Вспоминая о событиях на Дону в 1878 г., Плеханов сделал очень важный вывод, касающийся революционной тактики народников: "Попытка агитации на Дону, — писал он, — чрезвычайно важная с точки зрения нашей тогдашней программы — окончилась ничем, и не потому, чтобы казачья полиция помешала нам завязать прочные связи в казачьих станицах и хуторах, — эта полиция, по своей неопытности в таких делах, ничему помешать не могла, и связи уже начали завязываться, — а просто потому, что мысль об агитации в массах совсем перестала увлекать нашу революционную интеллигенцию" [5, с. 98-99].

Письма из Каменской станицы 1878 г. посвящены острому столкновению казаков с правительством, пытавшемся внести определенные правила, ограничивавшие права казаков в пользовании лесами. Правительство жестоко расправилось с казаками, не желавшими подчиняться регламентации: 30 человек, отказавшихся исполнять распоряжение правительства, были посажены в Каменский острог — им грозила Сибирь; 150 человек находились под следствием.

Казаки в конце концов подчинились правительству, с проклятиями подписав приговор об отдаче леса.

"Бунт" оставил казакам "драгоценный опыт". Во-первых, он показал, что рассчитывать на успех в борьбе с правительством можно,

если действовать дружно и единодушно. Во-вторых, возможность действовать единодушно стала реальной, поскольку причины недовольства были одинаковы во всем Войске Донском.

Доказательством такого вывода является опубликованное Плехановым в 1879 г. воззвание "Славному войску казачьему, Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терскому и проч. и проч."

В воззвании Плеханов сформулировал общие для всего казачества большие вопросы, выделил общие черты казачьего движения в России в борьбе за свободу самоуправления и выдвинул общую программу действий.

В коротком тексте воззвания Плеханов сумел:

- увязать историю ограничения казачьего самоуправления с ограничением государством автономии российских регионов;

- оценить попытки введения земства в казачьих областях как проявление наступления на экономические и социальные права казачества;

- сформулировать общие требования казаков.

Он призывал казаков добиваться:

- вольных грамот, в которых бы были разграничены, говоря современным языком, полномочия центра и казачьих органов самоуправления;

- признания права на самоуправление: выбор Наказного атамана, право на землю, поля, леса, реки и озера;

- расширения экономических прав казачества: (раздел земли поровну, отмена налога на землю, "службу всем справлять поровну и по силе возможности", без вольной грамоты не давать присяги на службу).

Воззвание оканчивалось эмоциональным призывом к казачеству: не опозорить себя навек и вернуть прежние вольности, которые добыли кровью деда!

Таким образом, воззвание стало конкретизацией тезиса Плеханова об общих целях казачьего движения и возможности объединения казаков различных регионов России в борьбе за самоуправление.

Свои впечатления о выступлениях донских казаков Плеханов отразил в Предисловии к 24-томному изданию собраний сочинений, в Предисловии к русскому изданию книги А.Туна "История революционных движений в России" и в заметках "О былом и небылицах" [11].

Представляет интерес объяснение Плехановым в Предисловии к первому тому Собрания сочинений, почему идея о революционности рабочего класса становилась все более популярной в России. Плеханов считал, что в тех условиях «точке зрения "интеллигентных" заговорщиков была противопоставлена ...точка зрения рабочего класса» [10, с. 22].

Следует учесть, что предисловие Плехано-

вым было написано в августе 1905 г., что дало ему возможность достаточно критически оценивать и собственные народнические заблуждения.

Корреспонденции Плеханова из станицы Каменской позволяют расширить представления об отношении Плеханова к общине. Он полагал, что община является носителем местной автономии, формой самоуправления, постоянно подвергающейся наскокам со стороны государства.

По мнению Плеханова, казачьи выступления на Дону летом 1878 г. — типичный эпизод истории тысячелетнего существования русского государства, основанной на непрерывной борьбе государственности с автономными стремлениями общины и личности.

В заметках "О былом и небылицах" Плеханов, давая оценку волнениям казаков, определяет эти выступления как волнения против введения земства и сильного сокращения казачьего самоуправления [5].

По мнению Плеханова, эта борьба принимала разные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до бегства от властей и отрицания всякой государственности в форме религиозных догматов. "Эта борьба на жизнь и смерть между противоположными принципами отнюдь не прекращается в настоящее время", — полагал Плеханов [10, с. 29].

Опубликованные материалы проливают свет на причины враждебного отношения донского казачества к земству. В земстве они видели *ставленника государства*, противостоящего казачьей независимости.

Материалы, напечатанные в первом томе "Сочинений" Г.В. Плеханова, относящиеся к народническому периоду его деятельности позволяют более разносторонне оценивать эволюцию его взглядов на судьбы российской общины.

Будучи народником, он исходил из того, что пока за земельную общину держится большинство крестьянства, нельзя считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция "была бы необходимой станцией на пути его прогресса".

Однако в этот же период Плеханов написал специальную статью о поземельной общине, ее истории и вероятном будущем [10, с. 75-107]. В ней он охарактеризовал различные типы земельных общин, существовавших в разных странах, в том числе особенности и специфику донской казачьей общины.

Эта статья позволяет утверждать, что в народнический период своей деятельности Плеханов допускал возможность различных вариантов развития русской общины.

Полемизируя с крупным исследователем истории общины М.М. Ковалевским, Плеханов пришел к выводу, что разложение общины вооб-

ще, и русской в частности, вызвано не внутренними самопроизвольными причинами, не неизбежным процессом индивидуализации имущественных отношений, а чисто внешними причинами, враждебными для общины влияниями.

При известных комбинациях отрицательных влияний разрушение общины неизбежно. Однако возможна и такая комбинация условий, при которой община стала бы развиваться и расти.

Решающим в том и другом варианте является система взаимоотношений государства и органов местного самоуправления.

Редактор и составитель "Сочинений" Г.В. Плеханова Д. Рязанов полагает, что такой подход близок к идее, сформулированной, Марксом и Энгельсом в предисловии к русскому изданию "Манифеста Коммунистической партии" в 1882 г. Иными словами, если русская революция станет сигналом рабочей революции на Западе, то они дополняют друг друга и "современное землевладение явится исходным пунктом коммунистического развития".

Таким образом, обобщенные Г.В. Плехановым материалы о событиях на Дону летом 1878 г., расширяют наше представление о взглядах Плеханова на судьбы российской общины не только с точки зрения экономической, но и в системе ее отношений с государством, возможных вариантах ее развития в зависимости от взаимоотношений государства и местных органов самоуправления (соотношения внешних и внутренних влияний). Кроме того, они дают возможность более основательно представить процесс кризиса революционной тактики народничества, который привел к усилению террористических методов борьбы, с одной стороны, и увлечению марксизмом, с другой.

Корреспонденции Плеханова о донском казачестве позволяют прийти к выводу, что идея революционной активности рабочего класса не является абстрактной идеологемой. Она была порождена объективными поворотами российского революционного движения 70-80 гг. и имела почвенническую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плеханов Г.В. Соч. В 24 т. М. 1923-28 гг. Т. I. С. 29-32; 153-167; Т. 3. С. 190-191, 194; Т. XII. С. 353; Т. XXIV. С. 96-97, 303.
2. Плеханова Р.М. Моя жизнь // Вопросы истории. 1970, № 11-12; Архив Дома Плеханова (далее АДП), ф. 1904, оп. 1, ед. хр. 3.
3. Алтекман О.В. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л., 1924; Он же. Общество "Земля и воля" 70-х г. Пг., 1924; Бережанский А.С. Г.В. Плеханов. От народничества к марксизму. Воронеж. 1990. С. 49-52, 94-102; Айрумян А.А. Плеханов и Дон // Комсомолец, 1966, № 11; Кириенко Ю.К. Г.В. Пле-

ханов на Дону // Коммунист, 1956, 11 декабря;
Михайлов А.Д. Автобиографические заметки // Былое. 1906, № 2; Тютюкин С.В. Политическая драма Г.В. Плеханова // Новая и новейшая история, 1994, № 1. С. 128.
4. Плеханов Г.В. Соч. Т. XII. М., 1924. С. 353.
5. Плеханов Г.В. Соч. Т. XXIV. М., 1927. С. 303.
6. Литературное наследие Г.В. Плеханова / Под.

ред. А.В. Луначарского, Ф. Д. Кретьева, Р. М. Плехановой. В 8 т. М., 1934. Т. 1. С. 390-391.
7. АДП, ф. 1093. оп. 5. ед. хр. 12.
8. Плеханов Г.В. Соч. Т. III. С. 191.
9. Плеханов Г.В. Соч. Т. I. М., 1925. С. 29-36.
10. Плеханов Г.В. Соч. Т. I. М., 1925. С. 29-36.
11. Плеханов Г.В. Соч. Т. I. С. 22; Т. XXIV. С. 97-98; 302-303.

СЛАВНОМУ ВОЙСКУ КАЗАЦКОМУ, ДОНСКОМУ, УРАЛЬСКОМУ, КУБАНСКОМУ, ТЕРСКОМУ И ПРОЧ., И ПРОЧ.

ВОЗЗВАНИЕ

Братья-казаки!

Хорошо и вольно жилось вам в старину на ваших землях, которые кровью своею отвоевали вы от неприятеля.

Не было у вас ни благородных, ни черни, сами выбирали вы свое начальство, своего Наказного и прочих атаманов, не стесняли вас службою: вы служили, сколько могли и сколько хотели, и за эту службу получали вы грамоты на свои земли, чтобы быть им в вечном у вас владении, со всеми полями, лугами, лесами, озерами и рыбными ловлями. О теперешних налогах и тяготах не было и слуху.

Так жили когда-то вы, храброе войско казацкое, но уже давно начали оттеснять вас понемногу. Стали назначать вам Наказного Атамана из Петербурга, ввели тяжелую службу и не только перестали давать за нее жалованье, но, вопреки прежним царским грамотам, поделили землю на пайки: офицерам дали по 200, а простым казакам по 30 десятин; теперь вводят земство, а оно отбирает у вас леса, облагает землю податями, а потом и совсем сравнивают вас с крестьянами.

Давно старики предсказывали, что лишат казаков всех их прав, что будут стеснять их и наступит большая смута в казацких землях. Вы сами знаете, что сбылось их предсказание.

Везде были смуты. Уральцев за то, что не хотели подчиняться новому положению, целыми сотнями ссылали в Сибирь и в Туркестан; в Черноморье волновалась Полтавская станица; на Дону луганцев таскали по острогам и грозили Сибирью за то, что не хотели отдать земству лесов, которые по царским грамотам должны принадлежать казакам.

Братья-казаки! Было время, ваши деды и отцы присягали служить царю и отечеству только тогда, когда получали за это вольные грамоты. Требуйте и теперь такой грамоты, чтобы остались за вами все ваши права, и земли, и поля, и леса, и реки, и озера; чтобы управляться вам самим собою; самим выбирать Наказного Атамана; землю давать всем поровну; не платить за нее налогов; не вводить земства и всех казаков уравнивать в правах, чтобы не было, как теперь, черни и благородных, а службу всем справлять поровну и по силе возможности.

Деды ваши знали, как надо поступать, и вам не мешает припомнить старинный казацкий обычай.

Не дадут вам вольной грамоты - не давай те присяги на службу, а будут заставлять силой — так неужели славное войско казацкое не сумеет отстоять своих прав!

Далеко гремит слава казацкая. Знают казацкую храбрость и немцы, и французы, и венгры, и турки, и черкесы, и англичане; вы заслужили эту славу своей удалью, вы заплатили за нее кровью своею и головами своих братьев. Неужели же струсит казацкое войско, не сумеет вытребовать себе тех прав, на которых жили и служили его предки.

Вы казаки — не мужики. Вас не учить стать владеть оружием и пикой, не учить победам над неприятелем. Опозорит себя на век казачество, если не вернет теперь прежних вольностей. Что добыли кровью деды, не должны отдавать без боя внуки.

Печатано в "Петербургской Вольной Типографии", 1879 г.

Корреспонденции.

Каменская станица.

Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности. Борьба эта тянется красною нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь, не прекращается и в настоящее время. Удалось ли государству внушить крестьянину другие привычки, другие стремления, можно ли опираться революционной партии на эти, повидимому, задавленные стремления к автономии общины и личности — это вопрос другой; я же в настоящем письме хочу только описать один из эпизодов этой борьбы — эпизод, имеющий тем больший интерес для читателя, что он совершается на наших глазах. Я говорю о волнениях донских казаков по поводу введения новых правил пользования общественными лесами. Правила эти состоят в следующем. Лес делится большими просеками на 30 равных участков. Рубка может происходить ежегодно только в одном из них. Воспрещается пасти в лесу скот. Вводится правильный сбор лесных плодов. Каждый казак имеет право только на определенное количество леса, между тем как до сих пор каждый казак пользовался всем, "куда топор и коса ходили". Недоверие казаков, как и всего народа, к его земским опекунам и таково, что вопрос о том, целесообразны или нет предлагаемые меры, вовсе и не поднимался, и только те станицы, в которых преобладали степные хутора, согласились подписать приговор об отдаче леса под земскую опеку, лесные же почти все протестовали.

Особенно упорно держалась и держится Луганская станица Донецкого округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всех сторон лесами. Удобные места для пастбы скота отстоят верст на 15 от нее, и, разумеется, гонять скот так далеко очень неудобно, особенно, когда грозит еще перспектива постоянных штрафов. "Вышла свинья за ворота — она уже в лесу: вот тебе и потрава" — говорят казаки, и всякий знакомый с местностью вполне согласится с ними. Но не одни только эти неудобства заставляют протестовать против отдачи леса. Вековое недоверие народа к правительству таково, что, вслед за известием об "отнятии лесов", пошли толки о том, что там-де пойдут отбирать озера, а после "хоть ложись да помирай".

Одна казачка, на станичном сборе, даже сравнила земство с парнем, который сулит девке золотые горы, покуда не добьются своего, а потом кругом обманывает ее.

Казаки, назначенные атаманом прокладывать просеки в лесу, отказались, по желанию всей Луганской станицы, выйти на работу. Из Черкасска наехал разное начальство, в том числе какой-то генерал, который хвастался перед казаками, что усмирал в 1861 г. бунтовавших крестьян. "Мы тебе не мужики!" — отвечали на это казаки. На одном из сборов, урядники, по приказанию начальства, стали-было записывать наиболее восставших против отдачи леса. Но это заметили казачки, которые вообще очень интересуются общественными делами, — кинулись на урядников и принялись их бить на глазах у начальства, которое бросилось бежать из станичного правления.

Началось-было следствие по этому делу, но станица заявила, что "били все". Несколько раз потом приказывали казакам выезжать для рубки просек в лесу, и ни разу они не послушались.

Приказано было собрать новый сход, но едва кончилась обедня, и атаман вышел из церкви, как его окружила толпа казаков, послышались ругательства и угрозы, которые едва не перешли в действие. Атаман немедленно же отказался от должности, и сход не мог состояться. Потом казаки отправились к квартире землемера, назначенного для межевания леса и проживавшего в станице, и грозились убить его, если он не уедет. Прошло несколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрелил в окно хаты, занимаемой землемером. Хотя он не был даже ранен, но переполох был чрезвычайный. Утром землемер поспешил уехать из Лугани, а за ним и храбрый военачальник, усмирявший в 1861 году крестьян. Этот последний, еще накануне хвалившийся, что хоть тридцать лет проживет в станице, а поставит на своем, так струсил, что не решился удирать без конвоя.

Все начальство засело в Митякинской станице, в 25 верстах от Лугани, и оттуда требовало на суд тех казаков, которые отказались делать просеки в лесу. Последние не ехали, а требовали, чтобы суд сам ехал к ним. А пока тянулась между ними переписка, в Луганской станице шло следствие по делу "о покушении на жизнь таксатора". Подозревали сначала нескольких казаков — один был даже арестован, — но потом оказалось, что в ночь, когда было сделано покушение, он был в одном из хуторов. Стали валить все на каких-то темных личностей, которые жили перед тем в станице, бывали даже на сходах и подстрекали будто бы казаков к бунту. Стали разыскивать этих таинственных посетителей, но оказалось, что их и след простыл. Все дело было свалено на нигилистов.

К выстрелу население относится сочувственно и жалеет только, что таксатор не был убит. Между тем, казаки, которых требовали на суд по делу о неповиновении распоряжениям атамана, решились ехать: какой-то смельчак уговорил других, что им де и там ничего не посмеют сделать. Но когда они явились в Каменскую станицу, — главную в Донецком округе, — всех их (30 чел.) арестовали и посадили в острог. Но это только подлило масла в огонь: между казаками пошла толка о том, чтобы не платить совсем земских и страховых (штрафовых, как они называют) денег. Они стали обвинять атамана в предательстве и грозились убить его. Казаков пугают военной экзекуцией, а они говорят, что "примут ее в пики". Поднялся вопрос: стоит ли давать землю (паек в 200 дес.) тем из офицеров, которые особенно энергично «усмиряли» казаков.

Чем все это кончится — неизвестно; одно только можно сказать, что волнение не ограничивается одной Луганской станицей. В остальных станицах того же округа, напр., в Гундеровской казаки, хотя и не гонят таксаторов, но владеть лесами собираются по-старому, и приговор подписали только "господа", т.е. офицеры, "чернь" же — простые казаки — противится ему.

Вообще, как бы ни было различно сопротивление, недовольство (езде одинаково сильно. Припоминаются какие-то предсказания "стариков", которые давно говорили, что придет время, когда будут стеснять казаков, когда у них отберут все угодья, и тогда произойдут на тихом Дону смуты, и будет кровопролитие.

И теперь уже казаки других станиц начинают с завистью, смешанной с уважением, смотреть на луганцев.

"Ведь у нас какой народ-то: им бы, как луганцам, гнать таксатора, а они уперлись, что не отдадут лесу, да и только; а таксатор — вон уже

просек в лесу наделал", говорила мне одна хуторская казачка.

До сих пор я рассказывал вам о событиях, которых или был очевидцем, или знаю от верных людей. Что же касается до слухов, то говорят, что в Слопской станице, Усть-Медведицкого, если не ошибаюсь, округа, за таксатором, выехавшим делать в лесу просеки, бегали казаки с шашками, так что он едва спасся. Волнуются и в Урюпинской станице, волнуются в Усть-Медведицкой, Казанской и Раскольницкой. До сих пор казаки воображают, что стоят на легальной почве. "Мы своей кровью завоевали эти места, — говорят они, — кто же может отобрать их у нас? Когда государь был на Дону, он прямо сказал, что у нас останется все по старому".

Теперь, к осени, стали возвращаться казаки с войны и, понятно, встретят далеко не с радостью эту новую "царскую милость".

Интересно здесь особенно то, что казаки Донецкого округа, где волнение приняло самые большие размеры, составляли 3-й Орлова полк, имеющий самое большое число георгиевских кавалеров и отличившийся в забалканском походе. Эти герои возвращались домой и без того сильно раздраженные мошенничеством их полкового командира, полковн. Грекова, заменившего Орлова. По рассказам казаков, он не выдавал им совсем фуражу для лошадей, между тем, как сам получал по 2 1/2 руб. за каждый пуд сена, которое он будто бы выдавал лошадям. На возвратном пути при посадке на железную дорогу, казаки, если верить их рассказам, "приняли его в нагайки". После этого скандала, был вызван прежний командир полка, Орлов, который и взялся умиротворить казаков. На площади в нашей станице происходил публичный торг казаков с Орловым. Он предложил казакам 7.000 руб. с тем, чтобы они прекратили всякое неудовольствие на Грекова. Казаки насчитали, что он украл у них 200.000, и требовали их сполна, грозя в противном случае подать жалобу. В конце концов согласились на 25.000 руб., по рублю на водку каждому казаку и по 25 рублей на сотню для угощения. После этого публичного скандала, они разошлись по домам и, разумеется, только усилят собою контингент недовольных правительством.

Каменская станица.

(Письмо второе.)

Я уже писал вам о так называемой Луганской истории, волновавшей население нашего округа с самого начала весны 1878 г. Вы помните, вероятно, что 30 чел. луганцев, "наряженных" для резки леса станичным начальством и отказавшихся исполнить это распоряжение, были посажены в каменский острог. Этих козлов отпущения держали в тюрьмах до конца ноября, постоянно таская на допросы. Ответы арестованных были коротки и единодушны: «мы ни в чем не виноваты, бунтовали не мы одни, а вся станица, да и по прочим станицам также недовольны земством и разными прочими нововведениями и терпят только до поры до времени».

"Неповиновение власти" было слишком упорно, соблазн для других станиц слишком велик: начальство решилось действовать "со скоростью и строгостью". Посылать солдат в станицу, в которой, вместе с принадлежащими ей хуторами, считается до 15 т. жителей, было слишком рискованно, поэтому изобретательное начальство прибегло к другому способу действий. В Луганскую станицу снова является какой-то "генерал" и обращается к проживающему там шпиону из отставных офицеров, Апостолову, с просьбой указать бунтовщиков и тем поддержать "основы". Тот, разумеется, не

заставил повторять просьбы, и его усердие превзошло даже генеральское ожидание. Бунтовщиков оказалось целых полторы сотни, в число которых, замечу я от себя, попали казаки, даже не бывшие на сборах. Но проверять верность показаний "доносителя" было некогда, да и надобности не представлялось. Импровизированным бунтовщикам была объявлена следующая альтернатива: или уговорить казаков отдать лес, или разделить участь арестованных раньше 30 чел., которым грозит Сибирь. Вы, мол, бунтовали, вы и усмирятьте. Усмирить они должны были в весьма короткий срок.

Узнав об этой дикой выходке начальства, луганцы призадумались. Поддержки другие станицы не оказывают, а начальство грозит Сибирью даже невинным решено стереть Лугань с лица земли. Несколько дней шли всевозможные толки в станице и, наконец, стачечники решили, что "один в поле не воин". "Эх,—говорили они, с проклятием подписывая приговор об отдаче леса,— поддержи нас другие станицы, не так бы кончилось дело". Как только приговор был подписан, немедленно были освобождены от следствия не только 150 чел., оболганных Апостоловым, но и те 30 чел., что содержались в каменском остроге. Тяжкие обвинения, которые взывались на них, были забыты начальством тотчас же, как миновалась надобность в заложниках, на которых можно было бы сорвать сердце и показать спасительный пример строгости.

Так кончилась Луганская история; кончилась, как и множество других так называемых мелких бунтов победою правительства, при чем сопротивление населения во время "бунта" только редко и то не надолго переходило из пассивного в активное. Но причины, вызвавшие сопротивление, не только не перестали существовать, но, напротив, получили законную санкцию. Это, разумеется, только увеличивает недовольствие казаков, и вот почему я думаю, что нам, быть может, придется еще увидеть эпилог только что закончившейся драмы.

А эпилог, пожалуй, будет интереснее самой драмы, хотя бы потому, что разыгрывать его будут не новички. Луганский "бунт" оставил казакам драгоценный опыт в подобных делах. Этот опыт показал, во-первых, что для того, чтобы рассчитывать на какой-нибудь успех в борьбе с правительством, необходимо действовать дружно и единодушно; он показал, во-вторых, полную возможность единодушного действия, так как причины недовольствия одинаковы во всем войске.

Казаки хорошо знают это, и мне кажется, что ни в какой другой части населения России нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей.

Недовольны казаки своим новорожденным земством, которое отбирает леса, озера, реки, налагает пошлыны на мельницы, налагает вместе с правительством акциз на соль, добываемую в войске, так как прежде добывание ее было вольное, и т. д.

Недовольны они плохим наделом земель. Это может показаться странным, так как всем известно, что свободных земель в войске пропасть. Но в том-то и дело, что из этих свободных земель никаких прирезок станицам не делается, хотя население растет. Официальный душевой надел казака в нашем округе считается 30 десятин, он и подать (положим, небольшую—50 коп. с пая) платит за 30 десятин,— а, между тем, количество земли, действительно, удобной для обработки, колеблется от 8 до 10 дес., да и то ценится так дешево, что арендная плата не превышает 50 копеек.

Рядом с этими, так сказать, экономическими причинами недовольства, являются правительственные, вроде отобрания оружия у казаков. По возвращении с театра военных действий у них в Киеве были отобраны

пушки, а затем, когда они приехали в Черкасск — и ружья. Казаки объясняют эти меры тем, что начальство, дескать, боится общего бунта на Дону.

Насколько ненавидят казаки земство и как хорошо понимают они, что замена прежнего казацкого самоуправления земским — равносильна замене действительного, неподдельного самоуправления фиктивным и, притом, не дешево стоящим, — видно во всяком слове казака, толкуете ли вы с ним в хате, встретитесь ли и разговоритесь по дороге или, наконец, явится ли он на сбор в станичное правление.

Случилось мне недавно пойти в один хутор, недалеко от нашей станицы. Дорогой меня нагнал казак, ехавший в телеге. После обычных приветствий и вопроса: "где (т.-е. куда) идешь?" — вызвался подвезти меня до хутора. Я воспользовался предложением, и у нас завязался разговор, который, разумеется, тотчас же свелся на земство.

"Земство, — говорил мой собеседник, — будет постепенно отнимать наши права; оно хорошо знает, что если захочет отнять их сразу, то казаки взбунтуются все. Казак — что бык: если его будут приучать к упряжи постепенно, будет терпеть, пока хватит сил, если же сразу под ярмо — непременно взбесится. Многие еще не понимают земства и его подходов, когда же узнают, то это даром не пройдет, казаки — им не мужики".

"Если уже земство так умно, что всюду сует свой нос, — иронизировал другой казак на сборе в Гундеровской станице, — то пусть лучше обучает мою старуху хлебы печь, а к нам не мешается".

С кем из казаков ни заговорите, везде услышите одно и то же. Появляются свои доморощенные ораторы, которые производят сильное впечатление и на нашего брата, а о казаках и говорить нечего. Я встретил одного из таких выразителей общего недовольства. Теперь уже седой и вдобавок глухой, этот замечательный человек всю жизнь свою мог осесть на одном месте. Летом он бурлачит, зимой ходит по хуторам и станицам и рисует планы. Пламенные речи свои он начинает словами: "приутих, приуныл славный Дон", далее следует мастерское сравнение прежнего вольного казачьего житья с настоящим, конечно, не, в пользу последнего; оканчивает он их песней собственного сочинения, которой я, к сожалению, не мог записать, запомнил же только начало:

*Ктой-то, братцы, наше войско
Губит, грабит, разоряет.
Ктой-то, братцы, нашу землю
Податями облагает.*

Таково положение дел у нас на Дону в настоящее время. Сделать из описанного те или другие выводы предоставляю читателю.

Г. Плеханов.

*Комментарий и текст публикаций
подготовили Э. Д.Осколкова, Н. А. Казарова.
9 августа 1996 г.*